

2. ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.1:111.1.

ФИЛОСОФИЯ Н. ФЕДОРОВА В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ Л. ЛЕОНОВА: КРИТИКА ИСТОЧНИКА

Борисова Л. М.

*Институт филологии
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского», Симферополь, Российская Федерация
e-mail: borlm-sf@mail.ru*

В статье рассматривается отражение идей Н. Федорова в романе Л. Леонова «Соть» и киносценарии «Бегство мистера Мак-Кинли». Проводится мысль о контroversивном характере леоновской рецепции. В каждом из положений «Философии общего дела» писатель видит многоаспектную проблему. Леонов солидарен с Федоровым в критике прогресса, так же, как он, ведет ее с религиозно-философских позиций, но уверен, что научный проект с идеей воскрешения отцов в основе (эксперименты Скутаревского, крионика в «Бегстве мистера Мак-Кинли» как подступы к его осуществлению) приведет не к объединению, а к окончательному разобщению человечества и спровоцирует социальную катастрофу. Писатель не разделяет надежды Федорова с помощью благородной цели исправить греховную человеческую натуру и избежать Апокалипсиса. Богосыновство человека, которое Леонов понимает как подражание Христу, для Федорова, по мнению писателя, заключается в практической работе над материальным воскрешением отцов. Философ оценивает состояние мира с позиций должного, писатель рассматривает его как данность, отсюда утопизм построений одного и принципиальный антиутопизм другого. «Философия общего дела» определяет сюжет и образный строй прозы Леонова, одновременно метафоризируются и те аргументы, которые в полемике с «московским Сократом» писатель черпает в различных религиозных, философских системах, древних мифах.

Ключевые слова: Л. Леонов, Н. Федоров, «Скутаревский», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Философия общего дела», рецепция, русский космизм, воскрешение отцов

ВВЕДЕНИЕ

Философия Н. Ф. Федорова оставила заметный след в русской литературе XX в. Но тема, которой философ посвятил жизнь, – победа человека над смертью – имеет столь мощную историю в мировой религиозно-философской мысли, что установить собственно федоровское влияние на автора бывает непросто. Даже когда оно не вызывает сомнений, исследовательская полемика порой выглядит мини-серией «pro et contra», как, например, в случае Маяковского [19, с. 20; 20, с. 348–349, 351, 392–393, 397–403; 3, с. 346, 408, 493–494; 7, с. 182, 231; 13, 435–436, 441, 448, 450] или Платонова [14, с. 291, 298–301, 305–306, 308–311, 333, 338; 13, с. 207–342; 6, с. 31–42, 66–68; 17, с. 210, 215–219, 225, 229], Неоднозначным бывало и отношение к Федорову самих писателей, об этом, к примеру, свидетельствует переписка Горького и Форш [12, с. 314–517].

Леонов с его «логарифмированием» (так он определял главную черту своего стиля), интересом к отвлеченной мысли, всякого рода метафизике не мог пройти мимо «Философии общего дела». Он не декларировал своего знакомства с учением Федорова, но то, как системно идея воскрешения отцов в единстве с другими положениями русского космизма проявляется в мотивной структуре его прозы, не позволяет в том усомниться.

Леонов и космизм – тема, не обойденная вниманием исследователей [18, 30–37; 13, с. 90–127], но федоровский подтекст в его прозе, как правило, специально не оговаривался. Нам уже приходилось писать о том, что утопия «общего дела» – своеобразный ключ к леоновской тайнописи. В соотнесении с идеями Федорова в романах 1920–1930-х годов отчетливо проступает обреченность большевистского социального проекта [2, с. 595–598]. Но диалог Леонова с Федоровым этим не исчерпывается.

Уже в 1930-е годы у писателя появляется потребность испытать федоровскую теорию на прочность, сопоставляя ее положения с христианской догматикой; в дальнейшем развитие иммортологии побуждает его продолжить критику источника, анализ которой и является **целью данной работы**.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Специфика федоровского учения о бессмертии, отличие его от всех предыдущих заключается в том, что это учение не о воскресении, а о воскрешении. Рукотворном воскрешении предков, встречи с ними, восставшими из мертвых во плоти и крови, не в лучшем из миров, а здесь, на земле, в результате общих усилий людей мысли и людей дела. Технических препятствий к осуществлению этого проекта, по Федорову, нет, науке это по силам, но обязательное его условие, базис – христианская любовь, братское, родственное состояние мира, сознание «каждым себя сыном, внуком, правнуком, праправнуком... потомком, т.е. сыном всех умерших отцов, <...> в признании каждым со всеми вместе, а не в розни, не в отдельности, как в толпе, долга своего к ним, ко всем умершим отцам...» [15, с. 44].

В романе «Скутаревский» (1932) с философией общего дела героя, почтенного ученого, знакомит юная Женя. «Сперва младенец, потом старик; это глупо организовано, следовало наоборот. Я представляю себе так и почти вижу: вход в пещеру, и все следы близ нее ведут в одну лишь сторону. Дело начинается с костей, с россыпи, с оскорбительного и смертного тлена. Что-то происходит, я не знаю – что, но вот старики выходят из своего подземелья поодиночке или же настолько крепко слежавшимися парами, что на каждом еще видны отпечатки его супруга. <...> В их морщинах еще лежит время, земля и ночь. Они начинают с великого знания, свершений и мудрости. Они расстаются именно потому, что любят, и они молодеют тысячекратно в награду за все несделанное. И так, ликуя и смеясь, они постепенно растворяются в голубое ничто...» [10, с. 197]. В таком изложении идея воскрешения отцов заставляет вспомнить «Источник молодости» Л. Кранаха: в легендарный этот источник погружают безобразных старух, а выходят из него юные девы с детскими лицами.

Автор замечает, что героиня «не стеснялась высказываться даже там, где требовались знания, которых она не имела». В этом, однако, еще нет расхождений с Федоровым: его философия – призыв к объединению усилий в приобретении неведомых еще знаний, а не система таких знаний. «...Как бы свежим ветром дуло от нее; он сдувал слежавшуюся пыль с привычных понятий предшествовавшего поколения...» [10, с. 197], – вот леоновская оценка прагматики «общего дела», теории, действительно, юной по сравнению с другими учениями. Но в своей картине грядущего рая Женя опускает главное: воскресение. Концы и начала у нее сходятся,

и, близясь к своему началу, старики «растворяются в голубое ничто» – прямо-таки буддистский финал, конечно, не случайный у Леонова, который на протяжении всей своей творческой жизни нередко прибегал к соответствующим параллелям, заставляя порой исследователей подозревать его в особом пристрастии к этой философской системе [8, с. 24]. По Федорову же, буддизм «не вера, не дело, а лишь сомнение (философия) во всех и во всем, бездействие, отречение, отчуждение от всех и всего, от Бога, от людей, от природы, от самого себя – словом, полное уничтожение» [15, с. 78].

Для Скutareвского, которому адресована речь Жени, бессмертие тождественно научному творчеству, что в первом представлении тоже не противоречит Федорову. Неудача с экспериментом («чудо не состоялось», говорит об этом писатель) – моментально делает его стариком («все более астматическим становилось его дыхание»), изменяет пейзаж вокруг («Ночь стояла за окном, как облако смертное»), заставляет видеть дряхлость окружающих и такую силу разрушения, перед которой не устоит никакая материя (для него раздувает самовар «могильного вида старик», а еще недавно ценное оборудование представляет собой «грудю металлического трупья» [10, с. 278, 287]). Неудача превращает ученого в старика, а исправленная в «диссертации на вечность» ошибка – молодит, продлевает дни: «...на этот раз заснул сразу, крепко, как у окопа оставшийся неубитым солдат» [10, с. 289]. Для Скutareвского работа на будущее – «истинная жизнь», «когда некогда даже умереть!» [10, с. 281]. Научная деятельность героя, его идея беспроводной передачи энергии на расстояние не только не исключает общего дела воскрешения отцов (Федоров был горячим сторонником электрификации), но вполне может стать его частью. «Я видел электронные души тел» [10, с. 213], – признается ученый Жене. И он готов принять «ее» теорию, ибо «кто же смеет противиться своему воскрешению?» [10, с. 214]. Теория становится толчком к метаморфозе: «...кажется, он (Скutareвский. – Л. Б.) молодец; кажется, он начинал верить в обратимость процесса, о котором <...> фантазировала Женья» [10, с. 198]. Герой, как видим, взялся за «общее дело», но готов ли он к нему нравственно?

Приоритетность, самооценочность науки в жизни героя делает его первым адресатом федоровской «записки от неученых к ученым»: «От разрешения вопроса о том, обратится ли ученое сословие в комиссию для объединения, собиранья, т.е. в призывную комиссию, зависит решение общего вопроса о замене <...> прогресса воскрешением, неродственного типа организма родственным типом нераздельной Троицы...». В сословном состоянии ученый предпочитает гражданство родству, правду – любви, светское – религиозному, понятием «человек» маскирует слово «смертный». «...Знание без приложения <...> проявляется в превозношении», «бездельное знание» разрушает нравственность. Из всех разделений отделение мысли от дела, заключает Федоров, несравненно страшнее, чем социальное неравенство [15, с. 46, 64, 38, 41].

На примере Скutareвского Леонов показывает, как надмевает знание. Отправляясь на полигон испытывать свое изобретение, герой безжалостно бросает умирающему сыну: «Настоящие люди живут так, что не умирают и после смерти!» [10, с. 246]. Тем самым он отказывает человеку, по его мнению, ничтожному, совершившему попытку самоубийства, в праве быть воскрешенным. Нетрудно

догадаться, какую философию – «общего дела» или сверхчеловека – герой усвоил лучше. Имморализм Ницше Федоров считал полной противоположностью супраморализму, как он окрестил свое учение.

Таким поворотом отцовско-сыновнего сюжета Леонов ставит еще одну важную пометку на полях «Философии общего дела». С. Г. Семенова обратила внимание на подчеркнутую бездетность строителей нового мира в его романах 1920–1930-х годов: «...Писатель подспудно разрабатывает мотив какого-то обеспложивания, *стерилизации* (сохраняем курсив цитируемого текста. – Л. Б.) бытия...» [13, с. 397]. Но мотив этот задан федоровским противопоставлением языческой семьи как «семьи рождения» – семье христианской как «семье воскрешения». «Вопрос о силе, заставляющей два пола соединяться в одну плоть для перехода в третье существо посредством рождения, есть вопрос о смерти...». Дело воскрешения должно начаться с прекращения рождения. В переходе «от супружества к соединению в общей любви ко всем родителям всех сынов и дочерей для дела всеобщего воскрешения» – знак «усвоения» учения о Троице [15, с. 43, 99], – читаем в «Философии общего дела». В «Бегстве мистера Мак-Кинли» Леонов отвечает на это Федорову: «В том-то и горе <...>, что каждый отец не чувствует себя отцом всех детей на земле...» [11, с. 299].

«...Детям всегда тягостна и непонятна огромная, страшная, как библейский ковчег, кровать родителей» [10, с.193], – совершенно федоровская мысль, почти цитата у Леонова: «Можно догадываться, что у человека вся кровь должна была броситься в лицо, когда он узнал о своем начале...» [15, с. 277].

Герои Леонова медлят на цивилизационной развилке: воскрешение еще не началось, рождение не совсем прекратилось. В картине Федора Скутаревского «Лыжники», запечатлевшей Женю в окружении сверстников, автор отмечает скрытый эротизм, а сама Женя не знает, что стоит за старым, «затасканным словом»: «взаимное, жестокое притяжение клеток или преувеличенное уважение», «флуоресценция <...> клейкого, недолговременного вещества, в которое все мы одеты?», но признается: есть слова, «от которых теряешь рассудок» [10, с. 272, 273]. Отцы в этом случае подают пример детям, они решительней в своих рассуждениях: «Сын? Это даже не оплошность, это неряшливость...». Высказавшийся таким образом Скутаревский пребывает в уверенности, что всякий отец «имеет право на такое жестокое слово» [10, с. 288]. Как, однако, далеко это убеждение от христианского гуманизма и учения о Троице.

Теория Федорова закрепились в творческом сознании Леонова, но приверженцем ее он не сделался. Из всех влияний определяющим для него навсегда стало влияние Достоевского, и в киносценарии «Бегство Мистера Мак-Кинли» (1960) федоровский контекст взаимодействует с контекстом Достоевского.

Преследуемый страхом ядерного Апокалипсиса, мистер Мак-Кинли более всего страдает от мысли о слезинке ребенка и дублирует реплику Скутаревского с самой горестной интонацией: «...как страшно повторить ошибку собственных родителей... в отношении меня самого!» [11, с. 233]. Впрочем, другие персонажи выбирают бездетность не из соображений гуманизма, а, как миссис Шамуэй, из врожденного эгоизма и определенного политического расчета: «... все выдающиеся маньяки и революционеры в своих кровопролитиях всегда ссылаются на бедствия детей...» [11, с. 267]. Оборвать цепь рождений и не работать на воскрешение, а спокойно

дождаться его в замороженном состоянии в некоей спецлаборатории – на этих двух мотивах строится интрига киносценария.

«...Передавая детям накопленные труды ума и рук, боль и надежды сердца, мы через этот взнос в будущее приобретаем право волноваться за весь род людской в его историческом пробеге. Это и есть единственно доступный нам вид бессмертия» [11, с. 208], – пишет Леонов. И таким образом вступает в прямой спор с Федоровым: «Долг воскрешения объединяет все семьи в общем деле всего рода человеческого, тогда как между семьями рождения существует рознь, потому что нет общего долга, нет и общего дела» [15, с. 100].

Концепция Федорова трансформируется у Леонова в соответствии с общим памфлетным тоном киносценария. Если Женин рассказ в «Скутаревском» заставляет вспомнить изощренную живописную композицию Кранаха, то инволюция мосье Кокильона в «Бегстве» больше чем на карикатуру не тянет: изношенное старческое сердце в процессе эксперимента приобретает здоровый ритм, из волос уходит седина, «отец» прибавляет в весе и воскресает молодым, полным сил ловеласом. «...При желании можно приехать в завтрашний день мальчиком, и, глядишь, вам даже придется ходить в школу!» [11, с. 233], – в том же издевательском духе продолжает автор.

Как многих до него, Леонова настораживает сугубо плотский характер федоровского воскрешения. Н. Бердяев писал по этому поводу: «Трудно сказать, верил ли Федоров в бессмертие души. Когда он говорит о смерти и воскрешении, то он все время имеет в виду тело, телесную смерть и телесное воскресение. <...> Но искупление есть также и новое рождение, духовное рождение человека...» [1, с. 116–117].

Писатель, как и философ, не сомневается в достижимости физического бессмертия, но уверен, что это научное открытие постигнет такая же судьба, как и все предыдущие, т.е. повторится то, о чем лучше всех сказал сам Федоров: оно будет обращено против человека.

Устремившись в рукотворный лучший мир, герой киноповести, скромный клерк, прошедший войну, затесался не в свое общество. Криогенная «нетленка» стоит немалых денег. Научное бессмертие – удел богатых, борьба за него оборачивается социальным взрывом, уличными протестами (среди плакатов, которые несет толпа, бросается в глаза: «Мы убьем вас во имя наших малюток»), погромами и поджогами по всему миру сальваториев и отделений фирмы, торгующей бессмертием. Идея воскрешения подчиняет себе и богачей, и бедняков, приводит в неистовство толпу, то есть в каком-то смысле становится «общим делом».

Но тот вариант бессмертия, к реализации которого приступает общество в «Бегстве мистера Мак-Кинли», совершенно неприемлем для Федорова, не устававшего повторять: прогресс «есть самовозвышение, возвышение самих себя», «Воскрешение не прогресс...», «... прогресс состоит в сознании сынами своего превосходства над отцами и в сознании живущими своего превосходства над умершими». «Прогресс есть именно та форма жизни, при которой человеческий род может вкушать наибольшую сумму страданий, стремясь достигнуть наибольшей суммы наслаждений», прогресс есть «отрицание отечества и братства», «отрицание самой нравственности», «... прогресс есть истинный ад, и истинно божественное,

истинно человеческое дело заключается в спасении жертв прогресса, в выводе их из ада» [15, с. 50, 53, 52, 51]. Именно об этом говорит у Леонова Потаскушка, отклоняя предложение героя, готового уступить ей свой неоплаченный искуплением билет в вечную жизнь: «Может, ты и есть дьявол <...>, скупаешь падшие души?..», «...Иди сам туда, в свою адскую дыру...» [11, с. 294–295].

В отношении к прогрессу писатель солидарен с философом. Расхождения начинаются с того, что Леонов принимает состояние мира как данность, а Федоров в оценке его руководствуется категорией должного, предлагая, правда, план нового мироустройства (регуляция природы на Земле и в космосе; организация школ, музеев, научных центров – всей жизни вокруг кладбища; смещение городской деятельности в поле, в село и т.д.).

Г. В. Флоровский одним из коренных изъянов федоровского учения считал то, что в смерти он не почувствовал «темного жала греха. Для Федорова то была скорее загадка, чем тайна, и неправда больше, чем грех. И эту загадку смерти он почти что исчерпывает в представлениях морали и евгеники» [16, с. 323]. По Леонову, человеческий грех слишком стар, чтобы его можно было исправить моралью. Супраморализм в его восприятии – соблазнительная, но рискованная попытка выйти за пределы времени. Писатель – убежденный антиутопист. В 1930-е годы он федоровской утопией разрушал большевистскую, но при этом обращал внимание и на уязвимость положений космизма. (Анализ производственных романов указанного периода в связи с программой овладения временем В. Н. Муравьева и идеей преодоления смерти за счет имажинативных способностей человека Я. Э. Голосовкера также свидетельствует об «антикосмизме» Леонова [4, с. 14].) В «Дороге на Океан» в сценах будущего вместо торжества науки писатель изобразил гибель космонавтов, а автора Океанской мечты о земном рае Курилова наказал смертельной болезнью. А еще раньше притчей «Про неистового Калафата» в романе «Барсуки» (1924) напомнил: «Так ведь туда (к Истине, в Небесный град. – Л. Б.) и другие дороги есть!» [(9, с. 223].

О федоровском проекте Бердяев пишет, что это «есть проект избежания страшного суда» [1, с. 111]. Действительно, философ считал, что страшный суд «есть только угроза для младенческого еще человечества» [15, с. 115]. В «Бегстве Мистера Мак-Кинли» результатом сциентистского прорыва в вечность закономерно становится Апокалипсис. Такой же конец рода человеческого Леонов предрекает и в своем последнем романе «Пирамида» (1994), создававшемся на протяжении полувека.

Как и большинство критиков федоровской теории, писатель ведет ее с позиций традиционного христианства, прибегая к языку символов и намеков. В «Бегстве» всюду проступают знаки древних пророчеств. Первое, что слышит на земле возвращенный из временного небытия (сон во сне) в жизнь Мистер Мак-Кинли, – вой сирен, возвещающих о воздушной тревоге, «только в несколько обновленном, каком-то устрашающе трубном стиле, с замирающим стоном в конце» [11, с. 303]. Вокруг разбросаны канализационного типа крышки да черные головешки, и, едва завидев человека (добыча!), к нему с визгом устремляются похожие на огромных светляков инфернальные огни.

Последнее слово в киносценарии остается за Потаскушкой – «что-то бесконечно древнее в финикийском разрезе ее глаз» [11, с. 283]. Одна она в гибнущем мире сохранила в себе родственное чувство, любовь к праотцам и чтит память матери: «... очень несчастная, молчаливая, прекрасная такая женщина <...> меня всегда учила, <...> что настанет однажды страшный, светлый суд над злом» [11, с. 285]. В образе этой героини у Леонова находит реализацию мысль Федорова: «Говоря о сыне человеческом, мы разумеем, конечно, и дочь человеческую, существо, неотделимое от отца по идее и цели» [15, с. 96]. Цель, согласно Федорову, – уподобление Сыну. В этом случае, однако, писатель отзывается не на еретически новое, а на традиционное у Федорова. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» женщина показана не в земных хлопотах по материальному воскрешению отцов, а исповедующей подражание Христу. Из любви к людям она готова «вот так, накрепко, прижать его к себе, этот мир, чтобы он впился весь в меня, всеми своими колючками... да и сгореть вместе с ним, в обнимку...»: «Весь сор жизни должен выгореть здесь» [11, с. 295]. Леонов открыто апеллирует к архетипу: в его блуднице уже видна будущая святая мученица. Однако и Финикия, где практиковалась храмовая проституция как часть служения богине плодородия и любви Астарте, упомянута не случайно. Грядущее воскресение/воскрешение писатель представляет не как материально-плотское восстановление человека, но как полное духовное его преображение. А видением невесты Мак-Кинли с младенцем на руках напоминает про идеал Мадонны.

Герой Леонова мечтал попасть в сальваторий с единственной целью – переждать там апокалиптические времена, чтобы, очнувшись, исполнить свою главную мечту: не боясь за детей, завести наконец семью, ту самую, от которой призывал отказаться Федоров. В финале по дороге на службу герой впервые позволяет себе улыбнуться обступившим его малышам, «как бы впускает их в себя» [11, с. 306]. Тем самым он выбирает искупление, в котором богословы отказывали «Философии общего дела», принимает жизнь как она есть, с тяжким трудом и муками рождения.

В полемике с Федоровым Леонов руководствуется принципом контроверзы, «некоторого неразрешимого положения, до конца остающегося проблематическим душевного состояния» [5, с. 28]. Этой форме риторических упражнений античности роман, как известно, обязан своим происхождением. В «Скутаревском» принцип выдержал последовательно, проблемность воскрешения сохраняется до конца. Роман проблематичен, но драма (соответственно и ее киновариант) катартична. Драма не всегда «пользуется привилегией катарсиса, очищающего действия», но «принципиально всегда может ею воспользоваться» [5, с. 28]. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» Леонов этой привилегией воспользовался. Вспомним, однако, что романизации в большей или меньшей степени подверглись все литературные жанры и что в художественном произведении, как пишет Б. Грифцов, риторика не служит практическим целям, «ей важно найти неразрешимое столкновение интересов» [5, с. 28]. При всех поворотах темы «Философия общего дела» остается одной из констант леоновского мира. Само столкновение контроверзы и катарсиса в полемике писателя с философом – свидетельство ее контroversивного характера.

ВЫВОДЫ

Уже в «Скутаревском» «Философия общего дела» интересовала Леонова не только как источник метафор, позволяющих между строк выразить свое отношение к большевистскому проекту, но и как средоточие идей, радикально изменяющих представление о возможностях человека и путях переустройства мира. В «Бегстве мистера Мак-Кинли» эта проблематика выходит на первый план, не вытесняя, но подчиняя себе социальную.

Философия Федорова не единственное, а одно из учений, которыми оперирует Леонов в своих художественных построениях, наряду с буддизмом, разного рода гностическими системами, мифами, аллюзиями на Достоевского, наконец, положениями традиционного христианства. Все это в комплексе бросает дополнительный свет на идею воскрешения отцов.

Леоновская рецепция Федорова имеет контroversивный характер: писатель солидаризируется с философом в оценке прогресса, но не разделяет его надежд на исправление греховной природы человека; Леонову близка федоровская идея богосыновства человека, но чужда мысль о победе над смертью за счет отказа от рождения, как чужд вообще всякий утопизм. Федоровскому материалистическому взгляду на воскресение он противопоставляет христианскую догматику. И в «Скутаревском», и в «Бегстве мистера Мак-Кинли» «общее дела», как и положено романной контroversе, до конца сохраняет свою проблемность и тем самым удерживает философский спор в границах образности. Идея воскрешения отцов не только предмет философско-публицистической рефлексии Леонова, но и неотъемлемая часть его художественной картины мира.

Список литературы

1. Бердяев Н. Религия воскрешения. «Философия общего дела» Н. Ф. Федорова // Русская мысль. – М.; Пг., 1915. – Кн. VII. – С. 75–120.
2. Борисова Л. М. Русский космизм в криптограммах Л. Леонова (романы 1920–1930-х годов) // Московский Сократ. – М. : Академический проект, 2018. – С. 595–601. – Режим доступа : <http://nffedorov.ru/w/images/9/9c/Moskovskij-sokrat-2018.pdf> (дата обращения: 22.02.2025).
3. Вайскопф М. Во весь Логос: религия Маяковского // Птица тройка и колесница души: Работы 1978–2003 годов. – М. : НЛЮ, 2003. – С. 343–486.
4. Воробьев А. А. Философская проза Леонида Леонова (историко-философский анализ) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. – М., 2022. – 17 с. – Режим доступа : https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011201304?page=3&rotate=0&theme=white (дата обращения: 22.02.2025).
5. Грифцов Б. А. Теория романа. – Москва: ГАХН, 1927. – 152 с.
6. Гюнтер Х. По обе стороны утопии: Контексты творчества А. Платонова. – М. : НЛЮ, 2012. – 216 с.
7. Кацис Л. Ф. Владимир Маяковский: Поэт в интеллектуальном контексте эпохи. – 2-е изд., доп. – М.а : РГГУ, 2004. – 830 с.
8. Леонов Л. «Человеческое, только человеческое...». Беседу вел А. Лысов // Вопросы литературы. – 1989. – №1. – С.3–25.
9. Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1982. – 328 с.
10. Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 5. – М.: Худож. лит., 1983. – 320 с.
11. Леонов Л. М. Собрание сочинений : в 10 томах. Т. 8. – М. : Худож. лит., 1983. – 320 с.

12. Николай Федорович Федоров: Pro et contra / сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова. – СПб.: РХГА, 2008. – 1216 с.
13. Семенова С. Г. Метафизика русской литературы: В 2 томах. Т. 2. – М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. – 512 с.
14. Толстая Е. Д. Мирпослеконца: Работы о русской литературе XX века. – М.: РГГУ, 2002. – 511 с.
15. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. – М.: Прогресс, 1995. – 518 с.
16. Фроловский Г., прот. Пути русского богословия. – Вильнюс, 1991. – 602 с.
17. Эпштейн М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы. – Москва: НЛО, 2015. – 384 с.
18. Якимов Л. П. Мотивная структура романа Леонида Леонова «Пирамида». – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 252 с.
19. Якобсон Р., Святополк-Мирский Д. О поколении, растерявшем своих поэтов // Смерть Маяковского. – Paris : Mouton, The Hague, 1975. – С. 8–34. – Режим доступа: https://vtoraya-literatura.com/pdf/yakobson_mirsky_smert_mayakovskogo_1975__ocr.pdf (дата обращения: 22.02.2025).
20. Hagemester M. Nicolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung. – München: Verlag Otto Senger, 1989. – 551 p. – Available from: <https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/26362/1003719.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 22.02.2025).

References

1. Berdjaev N. *Religija voskreshenija. «Filosofija obshhego dela» N.F. Fedorova* [The religion of resurrection. "Philosophy of a common cause" by N.F. Fedorov]. *Russkaja mysl'*. Moscow, 1915, Book. VII, pp. 75–120.
2. Borisova L. M. *Russkij kosmizm v kriptogrammakh L. Leonova (romany 1920–1930-h godov)* [Russian Cosmism in L. Leonov's Cryptograms (novels of the 1920s and 1930s)]. *Moskovskij Sokrat*. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2018, pp. 595–601. Available from: <http://nffedorov.ru/w/images/9/9c/Moskovskij-sokrat-2018.pdf> (accessed 22 February 2025).
3. Vajskopf M. *Vo ves' Logos: religija Majakovskogo* [In Full Logos: Mayakovsky's Religion]. *Vajskopf M. Ptica trojka i kolesnica dushi: Raboty 1978–2003 godov*. Moscow: NLO Publ., 2003, pp. 343–486.
4. Vorob'ev A. A. *Filosofskaja proza Leonida Leonova (istoriko-filosofskij analiz): avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk* [Philosophical prose by Leonid Leonov (historical and philosophical analysis). Abstract of thesis]. Moscow, 2022. 17 p. Available from: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_011201304?page=3&rotate=0&theme=white (accessed 22 February 2025).
5. Grifcov B. A. *Teorija romana* [Theory of the novel]. Moscow, GAHN Publ., 1927. 152 p.
6. Gjunter H. *Po obe storony utopii: Konteksty tvorcestva A. Platonova* [On both Sides of Utopia: The Contexts of A. Platonov's work]. Moscow, NLO Publ., 2012. 216 p.
7. Kacis L. F. *Vladimir Mayakovskij: Pojet v intellektual'nom kontekste jepohi* [Vladimir Mayakovsky: The poet in the intellectual context of the epoch.]. 2 ed., exp. Moscow, RGGU Publ., 2004. 830 p.
8. Leonov L. *«Chelovecheskoe, tol'ko chelovecheskoe...»*. *Besedu vel A. Lysov* ["Human, only human...". The conversation was conducted by A. Lysov]. *Voprosy literatury*, 1989, no 1, pp. 3–25.
9. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T. 2* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 2]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1982. 328 p.
10. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T.5* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 5]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 320 p.
11. Leonov L. M. *Sobranie sochinenij : v 10 tomah. T.8* [Collected works: in 10 volumes. Vol. 8]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1983. 320 p.
12. *Nikolaj Fedorovich Fedorov: Pro et contra* [Nikolai Fedorovich Fedorov: Pro et contra] / comp. A. G. Gacheva, S. G. Semenova. Saint-Petersburg, RHGA Publ., 2008. 1216 p.

13. Semenova S. G. *Metafizika russoj literatury* : v 2 tomah. T. 2 [Metaphysics of Russian literature : in 2 volumes. Vol. 2]. Moscow, Izdatel'skij dom «PoRog» Publ., 2004. 512 p.
14. Tolstaja E. D. *Mirposlekonca: Raboty o russoj literature XX veka* [TheworldaftertheEnd: Works on Russian literature of the XX century]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 511 p.
15. Fedorov N. F. *Sobranie sochinenij* : v 4 t. T. 1 [Collected works: in 4 volumes, vol. 1]. – Moscow: Progress, 1995. – 518 p.
16. Frolovskij G., prot. *Puti russkogo bogoslovija* [The Ways of Russian Theology]. Vil'njus, 1991. 602 p.
17. Jepshtejn M. *Ironija ideala: paradoksy russoj literatury* [The Irony of the Ideal: the Paradoxes of Russian Literature]. Moscow, NLO Publ., 2015. 384 p.
18. Jakimova L. P. *Motivnaja struktura romana Leonida Leonova «Piramida»* [The motif structure of Leonid Leonov's novel "Pyramid"]. Novosibirsk: SO RAN Publ., 2003. 252 p.
19. Jakobson R., Svjatopolk-Mirskij D. *O pokolenii, rasterjavshem svoih pojetov* [About a generation that has lost its poets]. *Smert' Majakovskogo*. Paris, Mouton, The Hague, 1975, pp. 8–34. Available from: https://vtoraya-literatura.com/pdf/yakobson_mirsky_smert_mayakovskogo_1975__ocr.pdf (accessed 22 February 2025).
20. *Hagemeister M. Nicolaj Fedorov. Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, Verlag Otto Senger, 1989. 551 p. Available from: <https://library.oapen.org/viewer/web/viewer.html?file=/bitstream/handle/20.500.12657/26362/1003719.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 22 February 2025).

PHILOSOPHY OF N. FEDOROV IN THE ARTISTIC RECEPTION OF L. LEONOV: SOURCE CRITICISM

Borisova L. M.

The article examines the reflection of N. Fedorov's ideas in L. Leonov's novel "The Sot" and the film script "The Flight of Mr. McKinley". It reveals the controversial nature of Leonov's reception. The writer regards each provision of "The Philosophy of the Common Cause" as a multi-faceted problem. Leonov shares Fedorov's religious-philosophical criticism of progress. However the writer believes that a scientific project based on the idea of resurrecting fathers (Skutarevsky's experiments, the cryonicist in "The Flight of Mr. McKinley" as approaches to its implementation) will lead not to unification, but to the final disunity of humanity and will provoke a social catastrophe. The writer does not share Fedorov's hopes to overcome sinful human nature and avoid the Apocalypse with the help of the noble goal. Man's sonship to God, which Leonov understands as the imitation of Christ, for Fedorov, according to the writer, lies in practical work on the material resurrection of the fathers. The philosopher's deontic logic and the writer's focus on the essence lead to the utopianism of the first and the principled anti-utopianism of the other. "The Philosophy of the Common Cause" determines the plot and figurative structure of Leonov's prose, his arguments in the polemics with the "Moscow Socrates", drawn from various religious, philosophical systems, and ancient myths, are expressed metaphorically.

Keywords: L. Leonov, N. Fedorov, "Skutarevsky", "The Flight of Mr. McKinley", "The Philosophy of the Common Cause", Russian cosmism, resurrection of the fathers, reception.